

Евгения Борисовна Дьячкова,

экскурсовод

Ирина Одоевцева. Неизвестный адрес поэта

С творчеством Ирины Одоевцевой долгое время я была знакома лишь по ее мемуарам «На берегах Невы» и «На берегах Сены». Некоторое время назад, в ходе подготовки авторской экскурсии по родному району Пески, мое внимание привлек дом № 58–60 на улице Некрасова (б. Бассейной). Это красивое здание в стиле модерн было построено в начале 1910-х годов для Бассейного товарищества группой архитекторов и гражданских инженеров во главе с А. И. Зазерским и Э. Ф. Виррихом. Изучая архивные материалы, я выяснила, что в этом доме в 1918–1921 гг. жила русская поэтесса Ирина Одоевцева, в гостях у которой бывали Н. Гумилев, Г. Иванов и другие знаменитости Серебряного века. Ближе познакомившись с творчеством поэтессы, я узнала, что у нее есть романы и рассказы, написанные в эмиграции и по возвращении на родину. На мой взгляд, романы Одоевцевой несколько сложны для восприятия, ее же рассказы вызвали у меня большой эмоциональный отклик.

Пристально изучив петроградский период жизни Одоевцевой, я хотела бы остановиться подробнее на таком немаловажном вопросе, как адреса проживания поэтессы. Абсолютно во всех источниках, в том числе и «Литературной энциклопедии», говорится, что Ираида Густавовна Гейнике (настоящее имя и фамилия поэтессы) часто приезжала с отцом, присяжным поверенным, в Петербург из Риги до революции и окончательно переехала в город на Неве перед самой революцией. Но это не так. В Центральном государственном историческом архиве СПб я нашла «Личное дело» Ираиды Гейнике, слушательницы курсов

новых языков М. А. Лохвицкой, которые помещались на Николаевской улице (ныне Марата), 27. Она начала посещать эти курсы с первого полугодия 1915 года, заплатив за учебу по квитанции 65 рублей, а закончила весной 1917 года, причем оплата повысилась до 100 рублей. В квитанции обозначен адрес проживания — Большая Московская улица, д. 15, кв. 7. Я побывала в этом доме: он перестроен, и нумерация квартир не совпадает с дореволюционной. По адресным книгам «Весь Петербург-Петроград» выяснилось, что Густаву Гейнике действительно принадлежала здесь квартира № 7, где он, видимо, и проживал с семьей до момента своего отъезда в Ригу в конце 1917 года. Поэтому названный адрес является первым адресом Ирины Владимировны Одоевцевой, которая при вступлении в литературу взяла этот псевдоним. Ольга Петровна Одоевцева — ее мать, из московского купечества, русская православная, осталась в Петербурге после отъезда мужа и проживала с детьми по другому адресу: улица Бассейная, 60, где и скончалась в 1920 году. Но в какой же квартире проживала семья Одоевцевой?

Вопрос не праздный, т. к. нигде не упоминается номер квартиры. Ирина Владимировна пишет в мемуарах, что жила на первом этаже. Внимательно просмотрев справочники «Весь Петербург-Петроград», я не обнаружила среди владельцев квартир людей с фамилией Гейнике-Одоевцевы. После некоторого анализа я пришла к заключению, что отец Ирины Владимировны, по всей видимости, снял для оставшейся в Петрограде семьи квартиру № 78, которая располагалась на первом этаже и принадлежала А. И. Зазерскому. Сам Зазерский проживал, вплоть до своей смерти во время блокады в 1942 году, на Петроградской стороне в угловом доме № 1/10, на пересечении Большой и Малой Посадских улиц. Этот кооперативный дом был построен по его проекту раньше здания Бассейного товарищества. В обоих домах у Зазерского были квартиры, как впрочем и у других строителей товариществ. Вероятно, снять квартиру № 78 подсказал Густаву Гейнике его близкий друг Андрей Окель, проживавший в квартире № 80 и числившийся среди квартировладельцев Бассейного

дома. По профессии Окель был присяжным поверенным, адвокатом, как и отец Одоевцевой; именно ему Гейнике поручил опеку над своими родными. Квартира № 78 включала 14 помещений, в том числе 6 комнат. Как ее «уплотнили» до 21 человека, Одоевцева описывает в своих мемуарах «На берегах Невы».

Незадолго до отъезда за границу они вместе мужем, поэтом Георгием Ивановым, переехали на Почтамтскую ул., 20, в кв. 2. Квартира принадлежала Вере Семеновне Белей, тетке поэта и критика Георгия Адамовича. Она была женой незадолго скончавшегося миллионера, владельца костеобжигательных заводов Н. Н. Белей. Уезжая за границу, тетя оставила квартиру племяннику. Георгий Иванов уступил свою комнату в ДИСКе на Невском проспекте (б. дом Елисеева) Николаю Гумилеву, где последнего и арестовали в ночь с 3 на 4 августа 1921 года. В письме к Роману Гулю от 28 февраля 1956 года Иванов описывает комнату в ДИСКе — бывшую елисеевскую баню с предбанником, которая не уступала в роскоши квартире миллионера. Предбанник был оформлен «во вкусе 1001 ночи», а в самой бане красовалась одна из мраморных копий «Поцелуя» Родена. В 1922 году Одоевцева и Иванов покинули страну, она выехала в Ригу, он в Берлин. Все эти события подробно описаны в книге критика А. Ю. Арьева «Тройственный союз».

В эмиграции Ирина Одоевцева начала писать прозу. Первый же ее рассказ «Падучая звезда» имел большой успех в литературных кругах и был в 1926 году опубликован в еженедельнике «Звено». Сам Иван Бунин написал редактору еженедельника похвальный отзыв и выразил желание познакомиться с автором. Встреча состоялась в том же году. Рассказ этот, к несчастью, не сохранился ни в архиве автора, ни в уникальной коллекции Рене Герра. Героиня рассказа — русская эмигрантка, которая не поддавалась уговорам советского гражданина вернуться в Советский Союз и осталась на Западе, несмотря на неудачно сложившуюся жизнь.

В середине двадцатых годов тема: «Вернуться?.. Остаться?» была еще очень актуальной. Многие эмигранты не верили, что

Ирина Одоевцева. Ок. 1920 года

Ирина Одоевцева и Георгий Иванов. Фото из рижской газеты «Сегодня» (Ист.: <http://www.freecity.lv/zhzl/49183/>)

власть большевиков надолго. Пройдет немного времени, и они окажутся в привычной обстановке фамильных усадеб, где являлись полноправными хозяевами жизни. Похожими чувствами и мыслями пронизан рассказ «Эпилог». Считается, что проза поэта отличается своеобразием. Это несомненно чувствуется в «Эпилоге», написанном Одоевцевой тоже в 1926 году и опубликованном в «Звене» 14 марта. На ум приходит определение «стихотворение в прозе». Я уверена, что рассказ биографичен, может быть, Одоевцева видела ту предсмертную записку, которой заканчивается рассказ. Сколько историй о прервавшихся жизнях, сломанных судьбах, предательствах любви витало вокруг автора. Горько и очень поэтично! Как это не использовать талантливому автору?

В «Эпилоге» Ирина Одоевцева пишет о своих сверстниках-эмигрантах, коих во Франции в те годы было бесчисленное множество. Рассказ начинается поэтической строкой: «А в России теперь снег...». Ее произносит Сергей, бывший офицер из

Дом Бассейного товарищества на ул. Некрасова, 58–60

Петербурга, чудом спасшийся от большевиков. Он вспоминает, как они сидели в Сосновке и мечтали только о спасении. Ницца и Париж казались раем, но здесь героев преследуют беды. Татьяна считает, что все их несчастья от бедности: «нищим всюду плохо...». Нищие русские здесь не нужны. Они идут по набережной Ниццы, и прохожие оборачиваются на Татьяну. Это беспокоит женщину: бедная одежда, выгоревшая шляпка означают общественное презрение. Сергей же считает всему виной ее красоту. Сергей работает шофером, он высокий и худой, носит кожаное пальто. Образ любимого Петербурга навсегда запечатлелся в его памяти: улицы детства, скверы и парки родного города. Судьба не была милостива к герою: он погибает. Что будет с Татьяной? Выживет ли она или последует за Сергеем? Трудно сказать...

Персонажи другого рассказа «Счастье Улиты», напечатанного в 1932 году в «Иллюстрированной России», приехали в Париж и Марсель из российской глубинки. Улите сорок лет, она старая дева, в толстых очках и немного глухая. Ее возлюбленный

Ванечка работает в колбасном заведении и имеет небольшой достаток, он «трагически одинок» и хочет жениться непременно на русской, чтобы говорить дома на родном языке. Эти двое сумели преодолеть одиночество и построить свое счастье.

Любимым городом Ирины Владимировны всегда оставался Петербург, его образы она часто выводила в стихах, рассказах и мемуарах, вспоминая то Бассейную улицу, то Летний сад, то Дом литераторов. Это был город ее незабываемой юности. Сюда она вернулась из эмиграции в 1987 году настоящим мастером. По возвращении жила на Невском проспекте, 13, в бывшем доме Чаплиных. Ирина Одоевцева умерла в 1990 году и похоронена на Волковском православном кладбище.

Элла Боброва, поэт и критик, знавшая Ирину Владимировну лично, создала литературный портрет Одоевцевой. Приведу выдержку из него: «...ее (Одоевцевой) язык, насыщенный поэтическими образами, искусство перевоплощаться в своих героев, умение приковывать внимание читателя захватывающей фабулой — вот главные “секреты” успеха ее прозы у читателя».

В заключение я хочу вспомнить еще одного слависта, знатока русского языка и литературы — Рене Герра. Он оставил воспоминания о встречах с Одоевцевой. Один раз в два месяца Герра собирал остатки довоенного русского Парижа у себя дома. Юрий Анненков, Яков Горбов, Юрий Терапиано, Сергей Шаршун сблизились на этих вечерах, ведущей которых была Ирина Одоевцева. Герра называл ее гранд дамой русского Парижа, он был посаженным отцом на свадьбе Ирины Владимировны и Якова Горбова.

Совсем недавно, в 2010 году, вышла книга «Тройственный союз» под редакцией критика Андрея Арьева. Это поистине бесценная книга включает в себя переписку редактора нью-йоркского «Нового журнала» Романа Гуля с Георгием Ивановым и Ириной Одоевцевой в 1950-х годах. Они имели право сказать о себе подобно Борису Пастернаку: «Нас мало, нас, может быть, трое» и продолжить: «Мы были людьми. Мы эпохи».